

Подполковник Егоров разбил радиоприемник прикладом и сказал окружающим солдатам:

— Всё, хватит глазеть. Собирайте все бумаги и отправляйте в тыл.

— Пойдите! — вмешался майор Павлов, остановив солдат, собиравшихся выбросить все документы в корзину, и вытащил один из них. — На этом документе указан номер части. Это 54-я пехотная дивизия 25-й Просенской армии, участвовала в Каролингской кампании. На эмблеме дивизии — ирис, это знак отличия участников той самой кампании.

— А мы всё равно их разгромили! — воскликнул Егоров. — Надо же, эта идея герцога Алексея оказалась стоящей — мы и впрямь беспрепятственно добрались до вражеского штаба!

— Графа, — поправил его Павлов, — и перед титулом не нужно ставить имя, по крайней мере, следует использовать отчество и называть его граф Константинович.

— Да что вы мне голову морочите этими вашими тонкостями, я ж солдафон простой! — отмахнулся Егоров. — Приказ графа — наступать, вот и будем наступать.

— Что?! Продолжать наступление? — ужаснулся Павлов. — Мы ведь уже вышли из дыма, а то, что нам удалось застать вражеский штаб врасплох — просто везение, противник такого не ожидал! Теперь-то они будут на чеку! Да и ты только что...

— Я их только что просто обхитрил! Смотри! — перебил его Егоров, указывая на вражескую карту.

— Вражеский штаб здесь, на вершине холма, откуда просматривается весь город Ронеж, контролируется дорога, ведущая в город, и простреливается железная дорога, проходящая через него. Враг наверняка решил, что мы будем атаковать именно это место!

— Но нам был отдан приказ на прорыв, а это значит, что мы должны идти назад — то есть, на восток. Нам нужно выйти из города по этой дороге. Я знаю эту тропу, она идет через большой кустарник, и к тому времени, как мы вырвемся, уже стемнеет. Под покровом ночи мы и отступим!

— Ты уверен, что это было задумано графом? — с сомнением спросил Павлов. — Возможно, он хотел прорваться с боем и умереть с честью.

— Быть не может! — отрезал Егоров. — Тогда бы он не стал брать с собой полевой госпиталь. Поверь мне, граф совершенно точно намеревался прорваться, ему просто представилась возможность сделать это с фронта.

— Но...

Егоров схватил Павлова за плечи:

— Слушай! Я, честно говоря, не знаю, что задумал граф, но я знаю свои намерения! Я не собираюсь умирать здесь! Просенцы мерзавцы, и я хочу как следует побить их! Но как же я смогу это сделать, если погибну?

— Ты просто боишься смерти, у тебя нет чувства чести! — возмутился Павлов.

— Чего? — не понял Егоров.

— Говорю тебе, хорошо еще, что военный священник мертв, иначе он бы сейчас же отправил тебя под трибунал! По обвинению в трусости и измене! — гневно проговорил Павлов. — Но я предупреждаю тебя, согласно уставу, как только у командира появляются признаки трусости или намерения сдаться, я, как начальник штаба, имею право отстранить его от командования!

Егоров в гневе схватил майора за воротник:

— Что ты такое говоришь? Где ты был, когда я бросал гранаты в просенских псов? Ты смеешь обвинять меня в трусости?!

— Ты выбрал путь бегства! — стоял на своем Павлов.

Пока они были на взводе, снаружи слышался звук автомобильного двигателя.

Немного ранее.

Ван Чжун с остатками штаба и полевым госпиталем выступил в путь. Перед этим он приказал поручику Сергею отправить гонцов, чтобы сообщить другим частям под командованием графа о намерении прорваться с фронта — то есть, на восток.

Дойдут ли гонцы до своих или нет — это уже было не его заботой.

Ван Чжун возглавил отряд и первым двинулся в путь. Вскоре отряд вошел в дымовую завесу, созданную артиллерией тыла. К этому времени дым рассеялся, и видимость в тумане немного улучшилась.

Но дым распространился, и Ван Чжун, идя по улице, все еще оставался в тумане.

Эта белая пелена очень напоминала игру «Silent Hill», где пугающая атмосфера нагнеталась во

многим благодаря окутавшему место действия туману.

Хорошо, что у него был вид с высоты птичьего полета, но, к сожалению, он не мог идти, одновременно используя его — несоответствие восприятия и зрения немедленно вызывало у Ван Чжуна приступы тошноты.

Поэтому ему приходилось делать несколько шагов, останавливаться и переключать обзор. Это поведение очень удивило поручика Сергея, и Ван Чжуну показалось, что, если так пойдет и дальше, у того возникнут подозрения.

Но не смотреть с высоты птичьего полета было невозможно — он не мог иначе предупредить появление врага, ведь невооруженным глазом можно было видеть только то, что происходит в радиусе нескольких метров. Стоило им случайно столкнуться с противником, попасть под шквальный огонь из автоматов — и путешествие Ван Чжуна на этом закончится.

Поэтому он стал реже останавливаться и изо всех сил старался терпеть головокружение, вызванное использованием вида с высоты птичьего полета во время движения.

В этот момент, когда он уже не знал, что и делать, отряд, наконец, вышел из дыма, и взору Ван Чжуна предстал брошенный просенцами у обочины «джип» — такой же, какой Людмила подорвала гранатой.

— Садимся в машину, — тут же решил Ван Чжун, обращаясь к Сергею. — Возьмите двух охранников, поедем напрямик!

— Просто возьмем и уедем? — удивился Сергей. — А кто будет командовать отрядом? У нас же нет рации!

— Нам все равно нужно ехать по дороге, проблем не возникнет, — ответил Ван Чжун. — К тому же, если что-то случится, мы всегда можем отправить кого-нибудь с поручением.

Поручик Сергей немного подумал и кивнул.

— Ты умеешь водить? — спросил Ван Чжун.

Сам он водить не умел — в его время не было необходимости учиться вождению: если не спешил — ехал на метро, если нужно было срочно — вызывал такси.

— Я часто бываю шофером у герцогини, доверься мне, — заверил его Сергей.

Ван Чжун вспомнил слова расстрелянного сержанта о том, что поручик Сергей, похоже, был любовником герцогини...

«Не мое дело, — подумал он. — Какая мне, собственно, разница?»

Ван Чжун сел в машину:

— Поехали!

Двое охранников ловко запрыгнули на заднее сиденье «джипа», даже не открывая дверей.

Сергей сел за руль, завел машину и, проехав несколько метров, восхищенно воскликнул:

— Управление — просто песня! Намного приятнее, чем наши «Лады»!

Ван Чжун усмехнулся. «Лада» — легендарный советский автомобиль, известный своим ужасным качеством, уже давно стал частью фольклора.

Сергей с грустью смотрел на проносящиеся мимо разрушенные улицы:

— Какой хороший был город... Мне нравилась та кофейня, я часто бывал там с герцогиней.

Ван Чжун проследил за его взглядом и увидел, что от кофейни осталась только вывеска, выходящая на улицу. По всей видимости, туда попал снаряд калибром не менее 152 миллиметров.

«Джип» проехал мимо кофейни, и Ван Чжун увидел, что внутри все было разрушено: столы и стулья превратились в щепки, а кофейники разбились вдребезги.

— Будьте вы прокляты, просенцы! — процедил Сергей сквозь зубы.

Ван Чжун молчал. У него до сих пор не было особой ненависти к просенцам — в конце концов, они вторглись не в его страну, не на его родину.

Пока что его целью было выжить в этой войне.

В этот момент на обочине стали появляться солдаты в хаки, по виду только что вышедшие из боя. На улице и в придорожных домах виднелось немало тел в черной форме.

Похоже, Ван Чжун нагнал третий Заамурский полк, который первым выступил в наступление.

В этот момент из здания впереди раздался сердитый голос:

— Что ты такое говоришь? Где ты был, когда я бросал гранаты в просенских псов? Ты смеешь обвинять меня в трусости?!

— Ты выбрал путь бегства! — стоял на своем Павлов.

Пока они были на взводе, снаружи слышался звук автомобильного двигателя.

— Остановите у того дома, — хлопнул Ван Чжун Сергея по плечу. — Там, где ругаются.

<http://tl.rulate.ru/book/114264/4393092>